

УДК 81 (09)

Т.Г.Трофимович

Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка

Историческая ономазиология как способ познания
языкового сознания и закономерностей номинативной деятельности
человека

Трофимович Т.Г. Исторична ономазіологія як спосіб пізнання мовної свідомості і закономірностей номінативної діяльності людини. В статті аналізується роль історичної ономазіології як розділу лінгвістичної семантики в установленні закономірностей появи нового найменування. Розглядаються особливості функціонування мовної свідомості, етапі його руху в процесі номінативної деривації. Выявляється поняття множинної мотивації похідного найменування, простежуються шляхи того, як розуміння знаходить засоби свого мовного виразу.

Ключові слова: ономазіологія, номінація, лінгвістична семантика, похідне найменування, номінативна деривація.

Трофимович Т.Г. Историческая ономазиология как способ познания языкового сознания и закономерностей номинативной деятельности человека. В статье анализируется роль исторической ономазиологии как раздела лингвистической семантики в установлении закономерностей появления нового наименования. Рассматриваются особенности функционирования языкового сознания, этапы его движения в процессе номинативной деривации. Раскрывается понятие множественной мотивации производного наименования, прослеживаются пути того, как смысл находит средства своего языкового выражения.

Ключевые слова: ономазиология, номинация, лингвистическая семантика, производное наименование, номинативная деривация.

Trofimovich, T.G. Historical onomasiology as a way of perceiving linguistic consciousness and the rules of nomination as human activity. The article discusses the role of historical onomasiology as part of linguistic semantics in establishing the rules characterizing the emergence of a new nomination. The article examines the functioning of linguistic consciousness and the stages through which the human mind passes in the process of nomination. The author explains the notion of multiple motivation of a derived nomination, and traces the ways in which meaning finds a means of linguistic expression.

Key words: onomasiology, linguistic semantics, derived nomination, nominative derivation.

В ряду актуальных проблем современного языкознания свое место занимают вопросы ономазиологии – одного из разделов лингвистической семантики, противопоставленного семасиологии и направленного в изучении от вещи,

явления к мысли о них и способам языкового оформления этой мысли. Ономазиология исследует все единицы языка как средства наименования, репрезентирующие знания носителей об окружающем мире и служащие для объективации сформировавшихся понятий. В сферу ее интересов входит изучение номинативной техники и способов формирования номинативных единиц разных уровней. Представляя собой теорию номинации, ономазиология исследует процесс формирования смысла и пути его языковой экспликации, рассматривает закономерности познания и дискретизации окружающей действительности, механизмы представления знаний в знаках языка. Такое направление исследований соответствует научной парадигме нового времени, ее антропоцентрической ориентации, поскольку позволяет рассматривать язык не с позиций слушающего или читающего, а с позиций говорящего или пишущего. Актуально установить, как слова и выражения связаны с остальной частью мира, с реальностью, как эта реальность отражается в слове, как возникший в результате освоения окружающего мира смысл находит средства своего языкового выражения.

Ономазиология оформилась как самостоятельный раздел языкознания лишь к пятидесятым годам прошлого века. Ее начало связывают обычно с именами Г.Шухардта, А.Цаунера, В.Матезиуса, М.М.Покровского, осознавших возможность изучения связи вещей и слов как связи смысла и способов его языкового выражения [ЛЭС, с.346]. В течение относительно небольшого промежутка времени интенсивно разрабатываются лингвистические и гносеологические основы ономазиологии, принципы ономазиологического подхода к анализу языковых явлений. В работах Б.А.Серебренникова, Г.В.Колшанского, Н.Д.Арутюновой, Е.С.Кубряковой, В.Г.Гака, В.Н.Телия, А.А.Уфимцевой, Д.Н.Шмелева, В.М.Никитевича, А.В.Никитевича и др. изучены процессы появления новых названий, описаны имена и предикаты, средства обозначения ситуаций, подвергнут анализу номинативный аспект речевой деятельности, номинативные функции различных частей речи. К настоящему времени сформулированы фундаментальные представления о

лингвистической сущности номинации, установлено соотношение между словообразованием и номинативной деривацией, номинацией и текстом. «Изучение ономазиологии сейчас находится на таком этапе, когда теоретическая разработка вопросов номинации сочетается с решением практических задач» (Л.А.Шкатова). С того времени, как был сделан этот вывод, прошло двадцать лет, однако учение об именовании сохраняет прежнее русло развития, так как совершенствование теоретической основы языковой номинации через анализ конкретного материала продолжает оставаться актуальным.

Успешное развитие ономазиологии как одного из значимых направлений современного языкознания немислимо без исследований синхронно-диахронического направления. Понять современное состояние системы наименований, выявить закономерности номинативных процессов в полном объеме можно только с использованием объяснительного потенциала историко-лингвистических знаний. Историческая ономазиология пока не получила широкого распространения, она только начинает развиваться в качестве одного из направлений теории языковой номинации. Работы таких исследователей, как Т.И.Вендина, Л.Я.Костючук, С.А.Мегентесов, Г.А.Николаев, Л.А.Шкатова, С.В.Вахитов, К.П.Смолина и др., свидетельствуют о том, что изучение языка прошлых эпох с ономазиологических позиций представляет несомненный интерес, имеет большое значение для получения полноценных знаний о прошлом и настоящем языкового развития. Все обозначенные проблемы свидетельствуют об актуальности предпринимаемого исследования.

Цель настоящей статьи - проанализировать роль исторической ономазиологии в установлении закономерностей появления нового наименования; рассмотреть особенности функционирования языкового сознания, этапы его движения в процессе номинативной деривации; раскрыть понятие множественной мотивации производного наименования, прослеживаются пути того, как смысл находит средства своего языкового выражения.

Современному языкознанию свойственно наметившееся «перемещение исследовательского интереса с семасиологического на ономаσιологический подход: от смысла к способам его языкового выражения» [5:130]. Произошедшая в последнее десятилетие смена научной парадигмы пока не слишком заметно повлияла на историко-лингвистические изыскания, которые во многом продолжают оставаться в русле структурных исследований.

К постулатам ономаσιологии относится утверждение о том, что первичные номинации – крайне редкое явление в языках, а их номинативный инвентарь пополняется в основном за счет вторичных производных наименований [ЛЭС 1990, с.336]. Следовательно, функционирующая в языке система номинативных средств является в основном результатом номинативной деятельности его носителей. Синхронный срез единиц именования позволяет выделить среди них первичные, усвоенные членами социума, и вторичные, заимствованные и производные. Если мотивированность первичных может быть установлена только при помощи этимологического анализа, то обусловленность производных определяется с высокой степенью вероятности на синхронном уровне. Другими словами, деривационные связи производной единицы поддаются выявлению и анализу, поэтому справедливо считается, что случайность в выборе мотива наименования почти сходит на нет при деривации [12:152]. Речь в данном случае идет не о признаке, положенном в основу наименования, а о связях производного слова и производящего. Привлеченный в именование признак замечен, осознан как значимый постоянный или значимый в момент именования. Ответить на вопрос, почему именно этот признак привлечен, можно далеко не всегда. Мотивы же возникновения слова более определены.

Порождение новой номинативной единицы является результатом номинативного запроса, который активизирует разные участки вербального пространства [1:50]. Осознав необходимость назвать что-либо, человек прежде всего решает вопрос о том, что именно нужно назвать: предмет, действие, свойство, процесс, признак и др. [7]. Таким образом включаются механизмы

дискретизации реальной действительности самого общего свойства, приводящие к выяснению частеречной принадлежности наименования. Затем осуществляется отнесение, например, предмета к определенной категории и выбор признака. Появление нового наименования – процесс сложный, в нем задействованы речемыслительные факторы. В связи с этим естественно предположить, что установление жесткой и однозначной связи между производным и производящим словом приведет к формализации акта именования. Не случайно стремление выявить истинные деривационные связи и их возможности привели к появлению такого языковедческого направления как номинативная деривация, которое по сравнению с формальным словообразованием более последовательно обращается к анализу реальной мотивации, допуская при этом ее множественность. Это связано с тем, что номинативная деривация «прямо ведет к научному объяснению связи языка, мышления и действительности» [11: 2], оперирует не формальными единицами, а целой системой связанных между собой понятий.

Исследователями замечено, что особенностью современной лингвистики является признание ею когнитивной обусловленности основных лингвистических единиц и структур [10:194]. Значит, наименование появляется в результате сложных речемыслительных процессов, состоящих в компрессии, сжатию известной информации о предмете и ее выражении в слове. Путь порождения слова – это, по сути, «переход от суждения к его имени» [8:6], и он может быть разным даже при возникновении конкретного названия. Очевидно, что этот процесс в состоянии активизировать не один, а несколько участков вербального пространства. Утверждать, что конкретное слово прошло именно такой, а не иной путь, значит примитивизировать процесс порождения названия. «Множественность мотивации – отражение того простого факта, что образование одной и той же единицы может реально достигаться разными путями» [6:262]. Подобный подход вполне соответствует современным представлениям о необязательном вербальном характере человеческого мышления [2], который предполагает отсутствие жестких связей между

производящим словом и производным. Уместнее говорить о производящих конструкциях, пропозициональных структурах, предшествующих появлению слова [9].

Проследим некоторые явления номинативной мотивации на материале универбальных наименований лиц, отразившихся в языке старорусской деловой письменности. Наиболее распространенным способом создания цельнооформленных номинативных единиц в тот период была суффиксация, чаще всего в наименованиях лиц использовались суффиксы *-чик-/-щик-*, *-ник-*, *-ец-*. Анализ мотивов возникновения таких названий подтверждает их возможную множественность, а также приводит к идее существования в вербальном пространстве мотивационных полей. Мотивационным полем можно считать совокупность единиц, родственных с производным словом по составу, входящих в номинативное суждение и могущих с одинаковой степенью вероятности стать производящими для этого слова. Так, среди наименований с *-чик-/-щик-* легко выделяется значительная группа названий лиц, которые одновременно, с одинаковой степенью вероятности могут быть мотивированы названием действия, совершаемого лицом (глаголом), и именем по этому действию, девербативом (именем существительным). Кто такой *перевозчик*? Тот, кто *перевозит*, или тот, кто совершает *перевоз*? Аналогичные вопросы вызывают наименования *заговорщик*, *закупщик*, *заимщик*, *караульщик*, *наборщик*, *отказчик*, *обманщик*, *откупщик*, *обыщик*, *переводчик*, *переплетчик*, *приказчик*, *сборщик* и мн. др.

Учитывая общеизвестный факт того, что контекст, в котором употребляется номинативная единица, фиксирует естественный акт номинации [6:257], обратимся к памятникам письменности. Действительно, в текстах находим подтверждение наших предположений о существовании мотивационного поля «действие / имя по действию → деятель». Вот примеры, зафиксировавшие глагольную (действенную) мотивацию: ...*И наймит будет бить челом и доведет ино тот суд не в суд, наемного доводчика казнити смертию. 3А,42 (доводить → доводчик). ...Отдельщик Василеи Мозалевский отделил в пусташи... ПЮН-ОК, 323*

(отделить → отделищик). Мотивацию deverbatивом обнаруживают следующие контексты: По дозором разных дозорищиков... убыло. ПРКМП, 49 (дозор → дозорищик). Потому что окладчики про те оклады сказывали за крестным целованием. ПРП,5,461 (оклад → окладчик). В Уложении 1649 г. читаем: *А кто на кого учнет извещати государево великое дело или измену, а того, на кого он то дело извещает, в то время в лицах не будет, и того, на кого извет будет, сыскати и поставити с изветчиком с очей на очи.* Следовательно, *изветчик* – тот, кто *извещает*, и тот, кто осуществляет *извет*. Примеров обоих типов можно привести много. Они подтверждают, что обе мотивационные модели существовали в сознании носителей языка и не могли не влиять на характер конкретной мотивации, делая ее множественной.

Множественность мотивации обнаруживается и при анализе названий лиц с формантом *-ник-*. Определенная группа наименований может быть мотивирована названием совершаемого действия, именем по этому действию и признаком по этому же действию. Например, *работник* – это тот, кто *работает*, тот, кто выполняет *работу* или тот, кто *работный человек*. Вероятно, на такое мотивационное поле опираются названия типа *советник*, *ослушник*, *проводник*, *чищельник*, *исповедник*, *наследник*, *разбойник*, *промышленник* и мн. др. *Сапожник* – тот, кто *делает сапоги*, *сапожный мастер* или тот, кто *занимается сапожным делом*, *является мастером какого дела?* Одинаково возможными оказываются все три пути возникновения универба. Существование большого количества субстантивно-атрибутивных наименований с компонентом *мастер* (*мастер бахромный, бочечный, водопроводный, городской, денежный, замочный, сапожный, портной, горшечный* и под.), а их нами собрано более 50, выявляют такой путь возникновения универбов типа *сапожник*, как семантическая конденсация. Языковые данные подтверждают последнюю версию номинативного суждения, а значит, и возможность семантической конденсации трехкомпонентных наименований типа *мастер бархатного, гончарного, гранатного, дверного, дощатого, замочного ... дела*. Словарь русского языка

XI – XVII вв. фиксирует 15 таких названий [СлРЯ, 9, с.37], реально же их было значительно больше [13:8].

В тех случаях, когда в качестве дифференцирующего признака наименования использовалось указание на объект действия (типа *кирпичник*, *сапожник*), есть основания считать, что в мотивационных отношениях может участвовать признаковая характеристика дела, которым занимается лицо. Это хорошо прослеживается на примере слова *хамовник*. Оно не было известно древнерусскому языку (И.И.Срезневским не зафиксировано), а в старорусский период называло жителя Хамовников, «одной из многочисленных верных слобод, который занимался ткачеством, ткал столовое белье» [Брокгауз, 73, с.75]. Этимология слова не ясна, она не помогает выяснить возникновение названия [Фасмер, 4, с.221]. Интересно, что В.И.Даль помещает слово *хамовник* и *хамовное дело* в словарной статье *хамъ*, содержание которой свидетельствует о возможности такой деривационной цепочки: *хамъ* → *хамово колено, отродье (бранное прозвище лакеев, холопов, слуг)* → *хамовник* и далее семантическая деривация [Даль, 4, с.542]. По мнению П.П.Смирнова, хамовниками были холопы, занимавшиеся хамовным делом. Тогда номинативный механизм может быть представлен так: *хамовник* – это тот, кто занимается хамовным делом. Заметим, что старорусский язык располагал целым рядом неоднословных наименований со словом *дело*: *дело ратное, дворовое, городовое, горшечное, печатное* и др., где *дело* – *занятие, работа* [СлРЯ, 4, с.206]. Оснований считать, что названия типа *печатник, ратник* могли возникнуть в результате называния лица по признаку исполняемого им дела, еще больше. Выявленный мотив, наряду с мотивацией по объекту действия, присутствует в названиях лиц по профессии и роду занятий: *шубник, шапочник, овчинник, хлебник, калачник, гвоздочник, горшечник, замочник, колесник, рукавичник, пирожник* и под.

При анализе мотивационных связей, в частности, названий лиц нельзя не учесть факт существования около двухсот субстантивно-атрибутивных наименований со словом *люди (человек)*. При этом можно вполне определенно предположить свертывание таких названий и возникновение в результате

семантической конденсации универбов: *работный человек* → *работник*, *должный человек* → *должник*, *опричный человек* → *опричник*, *ослушный человек* → *ослушник* и т. д. Подчеркиваем, что прототипические неоднословные наименования нами не восстановлены, а реально зафиксированы по памятникам письменности.

Существование параллельных однословных и неоднословных наименований создает в сознании носителей языка определенные образцы деривационных связей и возможных способов номинации. Безусловно, было бы неверным считать, что любое однословное наименование возникло в результате свертывания биверба, поскольку существуют словообразовательные типы, по которым названия и возникают. Однако нельзя не учитывать вероятность такого явления, особенно в условиях ретроспективного анализа и при наличии реальных доказательств. Более того, данный подход соответствует современным представлениям о пропозитивной природе номинации [4:61] и о том, что в производном слове есть своя «тема» и «рема», свой «внутренний синтаксис» [6:227].

Множественность мотивации в номинативных процессах, равно как и существование вариантов аффиксов, приводила к оформлению в старорусском деловом языке номинативной избыточности, то есть одно лицо получало несколько наименований. Вот несколько примеров: *боровник* – *боровщик*, *посол* – *посланник* – *послальник* – *послатай* – *посольник*, *наимщик* – *наимит*, *мытчик* – *мытовщик* – *мытник* – *мытарь*, *истец* – *ищья*, *начальник* – *начинатель* – *начинальщик* (последнее СлРЯ не фиксирует), *половник* – *полощик* – *польщик*, *опричник* – *опричнинец* – *опричницец*, *лазутник* – *лазутчик* и др.

Стремление установить все возможные мотивационные связи в номинативной деривации как процессе выдвигает вопрос о деривационных средствах, в частности, вопрос о виде используемых аффиксов. К примеру, при помощи какого суффикса возникло наименование *ратник*? Если *рать* → *ратник*, то при помощи суффикса *-ник-*, а если *ратный человек* → *ратник*, то тогда при помощи суффикса *-ик-*. В актах номинативной деривации могли

возникать различные варианты аффиксов в зависимости от конкретного вида производящей основы. Например, *-овник-* (*садовник*), *-овщик-* (*мытовщик*), *-льщик-* (*начинальщик*), *-аник-* (*омшаник*) и мн. др. Изучение таких вариантов и самого факта вариативности в словообразовании имеет длительную традицию, оно было начато в работах А.С.Будиловича, В.А.Богородицкого, продолжено А.А.Потебней, В.В.Виноградовым, Г.О.Винокуром, Ю.С.Азарх, Г.А.Николаевым и многими другими исследователями. Осознание разницы между словообразованием и номинативной деривацией привело к пониманию того, что существование вариантов аффиксов должно быть учтено при анализе производных наименований, но оно не является решающим. Оставаясь средством экспликации ономаσιологического базиса, аффикс формирует свои способности к категоризации явлений действительности на основе исконного, сложившегося в праславянскую эпоху, вида. Возможные приращения состава определялись чаще морфонологическими явлениями, а не потребностями номинации. Это убедительно доказано в работах В.М.Никитевича, Е.С.Кубряковой, Г.А.Николаева и др.

Для изучения производных наименований особенно важным оказывается, на наш взгляд, установление конкретных мотивационных связей с производящими названиями, поскольку это позволяет анализировать реальный акт номинации. Разумно при этом абстрагироваться от части формально-грамматических явлений, которые, будучи принадлежностью языковой системы, непоследовательно запечатлены в текстах памятников письменности, но они с высокой степенью вероятности могут быть восстановлены и скорректированы. Например, субстантивно-атрибутивные словосочетания с компонентом *люди* значительно чаще используются в деловом языке, чем бивербы с компонентом *человек*, равно как и универбы, называющие лиц мужского пола, преобладают в системе наименований лиц [194]. Первое обстоятельство совсем не важно при анализе номинативных явлений, второе же имеет значение только в том случае, если речь идет о словах типа *бобылиха*, *попадья* и под., поскольку такие наименования являются производными от *бобыль*, *поп*.

Рассуждения о мотивационных связях единиц в процессе номинации приводят к вопросу о том, до каких пор наименование может считаться мотивированным, по-другому, какое слово следует считать производным. Этот вопрос особенно важен для историко-лингвистических исследований. Наименование может быть производным, например, для старорусского языка и непроизводным для современного русского языка. Слово *огород* современный человек не связывает со словами *огородить*, *огораживать*, в то время как в старорусский период такая связь существовала, о чем свидетельствуют тексты памятников письменности: *А промеж сел и деревень городити огороды, по половинам... ПРП, 4, 257*. Справедливости ради заметим, что *огорода* – *огород* первоначально, вероятно, называли изгородь, а потом уже и то, что помещалось в ее пределах [Кочин, с.214]. Следовательно, производным, а значит, мотивированным, наименование может считаться тогда, когда мотивационные связи устанавливаются, причем не только с современных позиций, но и с учетом пути возникновения слова в диахронии. Это не значит, что мы призываем к последовательной этимологизации наименований. Если можно доказать, что значение и звучание слова обусловлено другими однокоренными словами, слово следует считать производным и мотивированным [17]. Это соответствует основным установкам словообразования и номинативной деривации. В одной из своих работ И.С.Улуханов указывал, что «носитель языка может воспринять слово как мотивированное в том случае, если ему известны три семантических компонента: 1) значение слова, 2) значение мотивирующего слова, 3) семантические признаки, которые показывают связь между ними» [16:79]. Приведенные положения не вызывают возражений и должны быть использованы при анализе исторического материала.

Анализируя мотивационные связи, следует иметь в виду, что в процессе исторического развития эти связи могли меняться, равно как и менялись значения деривационных средств. Современное слово *мошенник* называет нечестного человека, плута [СРЯ, 2, с.306]. Оно не связано деривационными отношениями со словом *мошна*, в то время как для старорусского периода эта

связь была живой, поскольку *мошенник* изготавливал, шил *мошны* [СлРЯ, 9, с.284]. Подобные обстоятельства должны быть приняты во внимание, так как синхронно-диахроническое изучение словообразования и явлений номинативной деривации признано наиболее оптимальным [17:4].

Изучение системы старорусских предметных наименований показало, что исторический аспект ономазиологических исследований имеет большое значение, поскольку позволяет установить закономерности возникновения производных имен в прошлом, определить наиболее активные способы номинативной деривации, выявить мотивы появления названий, проникнуть в сложные речемыслительные процессы, предшествующие их возникновению. Слово и словосочетание при таком подходе рассматривается как результат познавательной и креативной деятельности носителей языка, как средство выражения смысла, как мостик, соединяющий окружающий мир и человека.

Литература

1. Волков В.В. Деадъективное словообразование в русском языке / В.В.Волков. – Ужгород: Изд-во УжГУ, 1993. – 300 с.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И.Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
3. Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание / А.М. Камчатнов, Н.А.Николина. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 229 с.
4. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: Общие вопросы: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. Б.А.Серебрянников, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 99-146.
5. Крысин Л.П. Русистика // Актуальные проблемы российского языкознания: 1992-1996 гг. К XVI Междунар. конгрессу лингвистов, Париж, 20-25 июля, 1997: Сб. обзоров / Отв. ред. Ф.М.Березин. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – С. 129-139.
6. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование / Е.С.Кубрякова. // Языковая номинация: Виды наименований: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. Б.А.Серебрянников, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 222-303.
7. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С.Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
8. Кубрякова Е.С. О ключевых проблемах теории словообразования. Е.С.Кубрякова // Проблемы теории и истории славянского словообразования: Тез. докл. Шестой Междунар. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов, Минск, 2-6 марта 2003

г. / Мин. гос. лингв. ун-т, Ин-т языкознания им. Я.Коласа. – Минск, 2003. – С. 5-6.

9. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков / Е.С.Кубрякова, Ю.Г.Панкрац. – М.: Наука, 1983. – 120 с.

10. Никитевич А.В. Комплексные деривационные структуры в отношении к когнитивным структурам знания / В.М.Никитевич // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы междунар. конгресса исследователей русского языка, Москва, 13-16 марта 2001 г. / Моск. гос. ун-т. – М., 2001. – С. 194.

11. Никитевич В.М. Словообразование и деривационная грамматика: Спецкурс по общему языкознанию для студентов-филологов / В.М.Никитевич / Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 1982. – 95 с.

12. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора / Б.А. Серебренников // Языковая номинация: Общие вопросы: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. Б.А.Серебренников, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 147-187.

13. Старикова Г.Н. Тематическая группа «промышленные люди» в русском языке конца XVI-XVII вв.: Ономаσιологический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.Н. Старикова / Том. гос. ун-т им. В.В.Куйбышева. – Томск, 1990. – 20 с.

14. Трофимович Т.Г. Лексемы человек-люди в языке старорусской деловой письменности / Т.Г.Трофимович // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 1997. – № 4. – С. 65-73.

15. Улуханов И.С. Некоторые вопросы теории исторического словообразования / И.С. Улуханов // Проблемы теории и истории славянского словообразования: Тез. докл. Шестой Междунар. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов, Минск, 2-6 марта 2003 г. / Мин. гос. лингв. ун-т, Ин-т языкознания им. Я.Коласа. – Минск, 2003. – С. 3-5.

16. Унбегаун Б. Русские фамилии / Пер. с англ.; общ. ред. Б.А.Успенского / Б.А.Унбегаун. – М.: Прогресс, 1989. – 441 с.

17. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация: Виды наименований: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. Б.А.Серебренников, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 5-85.

Сокращения

Брокгауз – Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е.Андреевского; Издатели: Ф.А.Брокгауз (Лейпциг), И.А.Ефрон (СПб.). – СПб.: Семеновская типо-литография, 1890-1907. – Т. 1-41. **Даль** - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Госиздат словарей, 1956. – Т. 1-4. **ЗА** - Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Под ред. Н.Е.Носова. – Л.: Наука, 1986. – 261 с. **ЛЭС** – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: «Сов. энциклопедия», 1990. – 685 с. **ПРКМП** – Приходно-расходные книги Московских приказов

1619-1621 гг. / Сост. С.Б.Веселовский – М.: Наука, 1983. – 479 с. **ПЮН-ОК** – Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги: Тексты / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; Подгот. С.И.Котков, Н.С.Коткова. – М.: Наука, 1977. – 359 с. **СлРЯ** – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; Гл. ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1975-2000. – Вып. 1-24. **Фасмер** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Б.А.Ларина. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т. 1-4.

Информация об авторе

Трофимович Тамара Григорьевна

Доктор филологических наук, доцент, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск, Беларусь).
Заведующий кафедрой белорусского и русского языкознания

220051 Республика Беларусь, г. Минск, ул. Громова, д.22, кв. 12

Тел. в Минске 376-09-45

t.trof@mail.ru